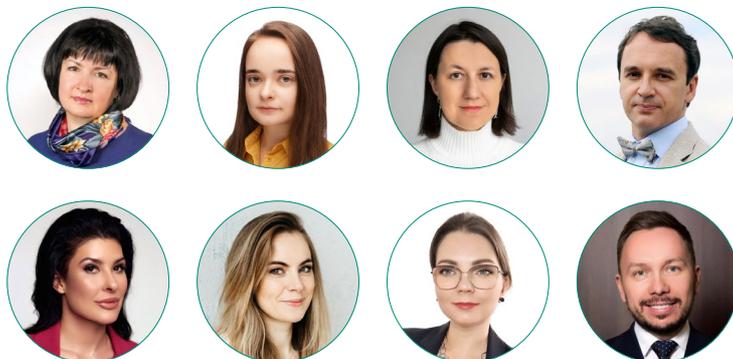

DOI: [10.14515/monitoring.2024.3.2535](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2535)

**С. Н. Вачкова, М. В. Ермолаева, А. Г. Истомина, И. А. Климов,
В. Б. Салахова, А. А. Скорик, Н. В. Соболева, В. Э. Филиппов**

ПЕНСИОННЫЙ ВОЗРАСТ КАК ВЕХА В ЖИЗНИ: ОБРАЗ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО И ОПЫТ ПЛАНИРОВАНИЯ СВОЕЙ ЖИЗНИ

Правильная ссылка на статью:

Вачкова С. Н., Ермолаева М. В., Истомина А. Г., Климов И. А., Салахова В. Б., Скорик А. А., Соболева Н. В., Филиппов В. Э. Пенсионный возраст как веха в жизни: образ желаемого будущего и опыт планирования своей жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 256—282. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2535>.

For citation:

Vachkova S. N., Ermolaeva M. V., Istomina A. G., Klimov I. A., Salakhova V. B., Skorik A. A., Soboleva N. V., Filippov V. E. (2024) Retirement as a Milestone in Life: Image of the Desired Future and Experience of Planning One's Life. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 256–282. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2535>. (In Russ.)

Получено: 10.12.2023. Принято к публикации: 16.05.2024.

ПЕНСИОННЫЙ ВОЗРАСТ КАК ВЕХА В ЖИЗНИ: ОБРАЗ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО И ОПЫТ ПЛАНИРОВАНИЯ СВОЕЙ ЖИЗНИ

ВАЧКОВА Светлана Николаевна — доктор педагогических наук, доцент, директор НИИ Урбанистики и глобального образования, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
E-MAIL: SVachkova@mgpu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3136-3336>

ЕРМОЛАЕВА Мария Викторовна — эксперт центра аналитических исследований и моделирования в образовании НИИ урбанистики и глобального образования, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; исследователь Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики, Москва, Россия
E-MAIL: marie.ermolaeva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8094-7699>

ИСТОМИНА Анна Геннадьевна — младший научный сотрудник Центра аналитических исследований и моделирования в образовании НИИ Урбанистики и глобального образования, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
E-MAIL: IstominaAG@mgpu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8094-7699>

КЛИМОВ Иван Александрович — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник центра аналитических исследований и моделирования в образовании НИИ Урбанистики и глобального образования, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; старший научный сотрудник Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный

RETIREMENT AS A MILESTONE IN LIFE: IMAGE OF THE DESIRED FUTURE AND EXPERIENCE OF PLANNING ONE'S LIFE

Svetlana N. VACHKOVA¹ — Dr. Sci. (Pedagogical), Associate Professor, Director, Research Institute of Urban and Global Education
E-MAIL: SVachkova@mgpu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3136-3336>

Maria V. ERMOLAEVA^{1,2} — Expert, Center for Analytical Research and Modeling in Education, Research Institute of Urban and Global Education; Researcher, International laboratory for Applied Network Research
E-MAIL: marie.ermolaeva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8094-7699>

Anna G. ISTOMINA¹ — Junior Researcher, Center for Analytical Research and Modeling in Education, Research Institute of Urban and Global Education
E-MAIL: IstominaAG@mgpu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8094-7699>

Ivan A. KLIMOV^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher, Center for Analytical Research and Modeling in Education, Research Institute of Urbanism and Global Education; Senior Researcher, International laboratory for Applied Network Research
E-MAIL: klimov_ivan@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3958-538X>

¹ Moscow City University, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

исследовательский университет «Высшая школа экономики, Москва, Россия
E-MAIL: klimov_ivan@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3958-538X>

САЛАХОВА Валентина Борисовна — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник центра аналитических исследований и моделирования в образовании НИИ Урбанистики и глобального образования, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук (ЦИПБ РАН), Москва, Россия
E-MAIL: salakhovavb@mgpu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5056-6518>

СКОРИК Анна Анатольевна — заместитель директора, Государственное бюджетное учреждение города Москвы «Московское долголетие», Москва, Россия
E-MAIL: Skorikannaan@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0005-0262-3687>

СОБОЛЕВА Надежда Владимировна — социолог, Государственное казенное учреждение города Москвы «Ресурсный центр развития социальных коммуникаций», Москва, Россия
E-MAIL: Nvsoboleva0907@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0006-0395-2009>

ФИЛИППОВ Владимир Эдуардович — кандидат социологических наук, заместитель руководителя, Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы, Москва, Россия
E-MAIL: dszn@mos.ru
<https://orcid.org/0009-0009-5301-6173>

Valentina B. SALAKHOVA^{1,3} — *Cand. Sci. (Psych.), Leading Researcher, Center for Analytical Research and Modeling in Education, Research Institute of Urbanism and Global Education; Leading Researcher*
E-MAIL: salakhovavb@mgpu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5056-6518>

Anna A. SKORIK⁴ — *Deputy Director*
E-MAIL: Skorikannaan@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0005-0262-3687>

Nadezhda V. SOBOLEVA⁵ — *Sociologist*
E-MAIL: Nvsoboleva0907@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0006-0395-2009>

Vladimir E. FILIPPOV⁶ — *Cand. Sci. (Soc.), Deputy Head*
E-MAIL: dszn@mos.ru
<https://orcid.org/0009-0009-5301-6173>

¹ Moscow City University, Moscow, Russia

³ Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

⁴ The state budgetary institution of the city of Moscow «Moscow longevity», Moscow, Russia

⁵ The State government institution of the city of Moscow «Resource Center for the Development of social Communications»

⁶ Department of Labor and Social Protection of the Population of Moscow, Moscow, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования людей старшего возраста — предпенсионеров и ранних пенсионеров (вышедших на пенсию не более пяти лет назад). Цель исследования — описать подходы к планированию своей жизни после выхода на пенсию.

Исследование опирается на материалы опроса, проведенного по многоступенчатой стратифицированной выборке ($N=1025$) в мае и июне 2023 г. в Москве. В ходе анализа этих данных обнаружено, что доли тех, кто строит планы и кто этого не делает, примерно сопоставимы: 56 % против 44 %. Задумываться о планах на период после достижения пенсионного возраста чаще всего начинают только после 50 лет (29 %) или же в преддверии пятидесятилетия (16 %). Бóльшую склонность планировать демонстрируют женщины. Неудивительно, что самые распространенные образы будущего связаны именно с планами женщин: обустройство своего локального жизненного пространства (дом, дача, сад), а также пространства общения с родственниками. Виден запрос и на различные виды самореализации.

В статье показано, что практика планировать будущее на пенсии связана с наличием или отсутствием опыта стратегирования в прошлом. Оценка распространенности этой практики позволила выявить те сферы, в отношении которых люди чаще строят планы и которые считают «полезными для планирования»: семья и рождение детей, профессия и карьера, работа, бюджет семьи, дом и жилье. Наиболее сложными для реализации намеченных целей оказываются

Abstract. The article presents the results of a study of older people, «pre-retirees» and «early retirees» (retired not more than five years ago). The purpose of the study is to describe approaches to planning one's life after retirement.

The study is based on the materials of a survey conducted using a multi-stage stratified sample ($N=1025$) in May and June 2023 in Moscow. Analysis of these data reveals that the shares of those who make plans and those who do not make plans are roughly comparable: 56% vs. 44%. Most often people start thinking about plans for the period after reaching retirement age only after the age of 50 (29%) or on the eve of their fiftieth birthday (16%). Women are more inclined to plan. It is not surprising that the most common images of the future are associated with women's plans and relate to the arrangement of their local living space (house, dacha, garden), or the space of communication with relatives. The data also reveals the demand for various types of self-realization.

The study shows that the practice of planning the future in retirement is related to the presence or absence of strategizing experience in the past. The assessment of the prevalence of this practice allowed the authors to identify the areas in respect of which people more often make plans and which they consider useful for planning: family and birth of children, profession and career, work, family budget, home and housing. Income and expenditures, savings, profession, and career turn out to be the most difficult for to achieving the intended goals. It is shown that the younger the group is, the less often the respondents talk about the fulfillment of the intended plans.

доходы и расходы, накопления, профессия и карьера. Показано, что чем более «молодая» группа, тем реже опрошенные говорят об исполнении намеченных планов.

На основе проведенного анализа авторы делают предположение о склонности к построению планов: за возрастными особенностями стоят комплексные поколенческие различия с разным отношением к управлению своей жизнью, карьерой, семьей, здоровьем и другими аспектами жизни. За этими различиями лежит фундаментальная революция в сфере повседневных практик и практик стратегирования — отказ от «стандартной биографии» в пользу «рефлексивной биографии».

Ключевые слова: планирование жизни, пенсионный возраст, адаптация к жизни на пенсии, образ желаемого будущего, паттерны стратегирования

Based on their analysis, the authors make an assumption about the propensity to make plans: behind the age characteristics are complex generational differences with different attitudes to managing one's life, career, family, health, and other aspects of life. Behind these differences lies a fundamental revolution in everyday and strategic practices — the rejection of «standard biography» in favor of «reflective biography».

Keywords: life planning, retirement age, adaptation to life in retirement, image of the desired future, patterns of strategizing

Введение

Наше исследование сфокусировано на задаче изучить «опыт стратегирования» своей жизни на пенсии среди людей старшего возраста, проживающих в Москве. Их численность — 3,5 млн человек (данные Федеральной службы государственной статистики)¹. Исследования обнаруживают важную особенность пенсионного возраста как символической границы. С одной стороны, жизнь на пенсии многими воспринимается в нерадостных и тревожных тонах. Этот период знаменует собой нарастание страхов, рисков, забот и сложностей по целому ряду значимых для человека направлений [Atalay, Staneva, 2022; Awang et al., 2018; Jamadar, Chawla, 2020; Kang, 2010; Ермолаева, Подольский, 2016]. С другой стороны, этот этап в биографии представляется значимым, стоящим того, чтобы к нему готовиться [De los Santos, Labrague, Milla, 2020; Sharpley, Layton, 1998; Мануильская, Rogozin, Solodov, 2022]. Мы полагаем важным разобраться, как планируют «жизнь на пенсии» те, кто только что вступил в этот период или вплотную подходит к нему, какие есть приоритеты, есть ли навыки планирования и насколько удавалось достигать планов в прошлом.

¹ См.: Старшее поколение. Демографические показатели URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 30.06.2024).

Адаптация к изменениям

В работах, посвященных «серебряному возрасту», изучаются темы в самых разных аспектах. В фокусе оказываются вопросы здоровья [Awang et al., 2018; Calvo, Sarkisian, Tamborini, 2013], социальной адаптации [Конарева, Сергиенко, 2015; Кулешова, Стрижицкая, 2008], качества жизни [Alwajud-Adewusi, 2021; Lestari et al., 2021; Liu, He, Gao, 2024; Odone et al., 2021; Павлова, Сергиенко, 2020a], социальной защиты и пенсионного обеспечения [Ketkaew et al., 2022; Юшкова, Дорошенко, 2019], а также множество других. Для выбранной нами проблематики важен сюжет адаптации к изменениям. Здесь также можно встретить целую палитру тем и подходов, но выделяются три большие традиции.

1. Социально-психологическая, сфокусированная на когнитивной, эмоциональной и психологической адаптации, на возможностях преодолеть личностный кризис и поддерживать психическое здоровье [Henning et al., 2021; Seeman et al., 2001].

2. Управленческая, изучающая развитие социальной политики, влияние институциональных условий на качество жизни пенсионеров, обеспечение их финансового благополучия, развитие возможностей поддерживать свое здоровье, формирование условий для продолжения трудовой деятельности и др.² Общее здесь — задача согласовать интересы, возможности и принципы взаимодействия самых разных стейкхолдеров ради успешной социальной и экономической интеграции пожилых людей [Григорьева, 2021: 20—22; Coole, 2012; Frimmel, 2021; Hinrichs, 2021; Kuitto, Helmdag, 2021; Riekhoff, 2021].

3. Исследования социальной адаптации пожилых людей: поддержка их социальных связей, сохранение для общества их профессионального и культурного опыта, изучение адаптации к социальным изменениям, противодействие возрастному и социальному неравенству [Baeriswyl, Oris, 2023; Kuitto, Helmdag, 2021; Townsend, 1981; Старшее поколение..., 2021; Бондаренко, 2001; Сулова, 2017]. Анализируется множество факторов: продолжение трудовой деятельности, сохранение общения с семьей и родственниками, участие в общественной жизни, развитие IT-возможностей в самых разных областях — от здоровья и заработка до организации путешествий и поддержки занятий своими увлечениями [Kettunen, Kari, Frank, 2022; Stevens et al., 2021].

Работы показывают, что выбор той или иной стратегии адаптации обусловлен в том числе опытом деятельного стратегирования — построения планов и инвестиции в них доступных ресурсов и собственной активности. Применительно к пенсионному возрасту добавляется еще один аспект: готовность принимать различные проявления старения, изменения в жизненном укладе и социальных связях, готовность к активному поиску новых возможностей. Исследователи выделяют несколько типов стратегий: от «пассивной» и «рефлексивно-запаздывающей» до «активной позитивно-инструментальной» и «активной криминально-карьерной» [Тунгусова, 2021]³.

² См., например, мониторинг социально-экономического положения пожилых людей в 2020 г., проведенный Министерством труда России: Доклад о результатах комплексного мониторинга социально-экономического положения пожилых людей в 2020 г. М.: Министерство труда России, 2021. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/1873> (дата обращения: 15.06.2024).

³ Следует отметить, что это исследование фокусировалось на специфической группе — работниках прокуратуры.

Также отмечаются различия в стратегиях у пенсионеров и предпенсионеров. Последние негативнее переживают возрастные изменения, чувствуют себя более растерянными и пассивными, менее способными к активной адаптации. При этом у них остается высоким стремление к поиску и реализации способов самовыражения в новых сферах профессиональной деятельности и зачастую выше готовность к конкуренции, освоению новых навыков, новых профессиональных ролей. Для предпенсионеров характернее инструментальная стратегия поведения, выражающаяся в поиске рационального применения своим возможностям и готовности идти на умеренный риск ради реализации своего потенциала и творческих устремлений.

Для пенсионеров больше свойственны «запаздывающая пассивно-рефлексивная» и «пассивная умеренно-приспособительная» стратегии в сфере трудовой активности. Это связано с заметно большим консерватизмом и приверженностью традиционным ценностям, к сохранению стабильности в своей профессиональной деятельности. Однако и пенсионеры, и предпенсионеры вынуждены рано или поздно принять изменения и искать пути адаптации к ним — вне зависимости от когнитивной четкости образа будущего и готовности смириться с изменениями (на аффективном уровне) [там же: 118—120].

Тема планирования будущего зачастую связана с изучением особенностей копинг-стратегий при столкновении с жизненными трудностями⁴. На сегодня выделено более 400 стратегий [Skinner et al., 2003] и предложены разные их классификации. Однако по проблематике старения таких исследований мало. Имеющиеся результаты указывают на то, что пожилые люди, придерживающиеся стратегии «выживания» (отсутствие активностей и социальных контактов), отличаются более низким уровнем жизнестойкости, сильнее нуждаются в эмоциональной поддержке со стороны близких и знакомых, более склонны к отрицанию проблем и уходу от них [Большакова, 2019; Лежнина, Большакова, 2020]. Напротив, стратегии активного преодоления комплексно включают в себя элементы когнитивной, эмоциональной и поведенческой адаптации [Lazarus, Folkman, 1984; Roesch, Weiner, Vaughn, 2002].

Выход на пенсию также связан с изменением «смысложизненных ценностей», что играет значительную роль в формировании той или иной стратегии поведения [Corman, 2022; Fasbender et al., 2016; Жучкова, 2018; Сулова, Жучкова, 2014]. Некоторые исследователи утверждают, что разрыв с трудовой деятельностью благоприятно сказывается на процессах переосмысления себя и своей жизни [Вознюк, Сапожникова, 2022]. Так, неработающие пенсионеры позитивнее относятся к своему прошлому, чаще наделяют его смыслами, лежащими в основе сегодняшнего самоуважения. Это объясняется тем, что, завершив трудовую деятельность и выйдя на пенсию, люди быстрее производят переоценку себя, переосмысливают прожитую жизнь и намечают новые ориентиры. Те, кто продолжает профессиональную активность, не обращаются к прошлому опыту, не анализируют его

⁴ Копинг-стратегии (стратегии совладания) — когнитивные и поведенческие усилия, предпринимаемые человеком для адаптации к неопределенности и стрессу, по отношению к внешним обстоятельствам и/или внутренними потребностями, которые оцениваются как «обременительные или превышающие ресурсы индивида» [Lazarus, Folkman, 1984: 141].

в качестве завершённого периода жизненного пути и не делают выводов в контексте будущего. Получается, что неработающие, но сохраняющие активность пенсионеры, глубже и лучше планируют свою жизнь, чем работающие, демонстрируют более высокий интерес к жизни и чаще говорят о наполненности ее смыслом [там же: 81]. Зарубежные исследователи уточняют, что удовлетворенность своей жизнью зависит от стартовых финансовых условий у неработающих и работающих пенсионеров [Dingemans, Henkens, 2019; Ofori, 2021].

Такие рассуждения кажутся контринтуитивными: распространённые стереотипы маркируют выход на пенсию как кризисный этап со страхом изменений в образе жизни, профессиональной деятельности, здоровье и др. Исследования людей в возрасте 30—45 лет свидетельствуют, что их представления о сегодняшних пенсионерах и представления об образе самих себя на пенсии различны. Опрошенные полагают, что сами они будут сохранять активный образ жизни и продолжать профессиональную деятельность. Одновременно они считают, что сегодняшние пожилые люди не могут быть эффективными в профессиональной деятельности и вынуждены интенсивнее работать, чтобы сохранять свой уровень благополучия [Пацакула, Хачикян, Зайчикова, 2020; Павлова, Сергиенко, 2020б].

Такая ситуация неудивительна: разговоры о старости были вытеснены на периферию и лишь в последние 10—15 лет возвращаются в публичное пространство и повседневное общение людей. Но все-таки исследования показывают, что россияне склонны избегать разговоров о старении и о планировании своей жизни в пожилом возрасте: эти темы связаны с негативными эмоциями, с психологическим дискомфортом, с проживанием риска утраты разнообразных ресурсов для жизни [Рогозин, 2016; Ермолаева, Подольский, 2016]. Кроме того, обращается внимание на особенность многих программ поддержки пожилых людей: они в большей степени ориентируются на продолжение деятельной жизни, но не на помощь в переходе к «серебряному возрасту» и планированию старости [Мануильская и др., 2022: 104; Алешникова, Бурцева, Нуриддинов, 2020]. Именно с этим, как мы полагаем, и связан дефицит исследований, посвящённых практикам стратегического планирования периода после выхода на пенсию⁵.

Тем не менее мы можем говорить, что субъективное благополучие человека в период «жизни на пенсии» зависит от того, насколько деятельной, продуманной и целенаправленной была его подготовка — не только психологическая, но также касающаяся «качества» прорабатываемых планов [Liu, Bai, Knapp, 2022; Principi et al., 2020]. Планирование позволяет достичь желаемых результатов, сформировать образ жизни по потребностям и интересам человека, но главное — погрузить свою жизнь в контекст общественной и профессиональной деятельности или же любимых занятий [Cahill, Giandrea, Quinn, 2006; Frimmel, 2021]. Это помогает и смягчить болезненное переживание стресса, и сократить этот период во времени [Henning et al., 2021; Kang, 2010; Ross, Drentea, 1998]. Ещё один важный эффект отмечается в сфере межпоколенной трансляции ценностей [Barsukov, 2018],

⁵ Такие ситуация и постановка исследовательской проблемы вызывают интерес со стороны тех, кто непосредственно вовлечен в практику взаимодействия с москвичами старшего возраста. В частности — проекта мэра Москвы «Московское долголетие». Идея сфокусироваться на проблематике «паттернов стратегирования» у целевых групп москвичей как раз и была предложена его представителями.

передачи профессионального опыта и культурного багажа, социальных связей [Massingham, Chandrakumara, 2019; Townsend, 1981], обеспечения благополучия детей и внуков в рамках «большой семьи» [Airey et al., 2021; Zhang et al., 2023].

Постановка задачи

Цель исследования — описать реальные практики планирования своей жизни после выхода на пенсию, а также опыт стратегирования, то есть в какой мере в течение жизни люди прибегали к постановке тех или иных целей и стремились их достичь. Под «стратегированием» мы понимаем процесс порождения и гибкого изменения стратегии, сфокусированной на желаемой модели будущего и долгосрочных намерениях, чему подчиняются и тактические планы, и предпринимаемые действия. Это понятие активно используется в экономической литературе и в менеджменте, однако имеет содержательные аналоги в психологии⁶, и в социологии⁷ с очень похожим набором вложенных идей. Оно предстает как совокупность процессов прогнозирования и планирования будущего с опорой на субъективное, но многоаспектное знание о реальности и природе изменений, а также на способность реагировать на изменения [Williamson, 1991: 76; Giddens, 1984: 5].

В качестве целевой группы (ЦГ) были выбраны категории предпенсионеров (чей возраст укладывается в пятилетний интервал до выхода на пенсию) и ранних пенсионеров (чей возраст — не более пяти лет после выхода на пенсию)⁸. Выбор был обусловлен несколькими соображениями. Во-первых, эти категории интересны экспертам проекта «Московское долголетие» с точки зрения задач поддержки пенсионеров:

— эти люди достаточно активны и обладают разного рода ресурсами для построения планов на будущее и их реализации,

— в процессе перехода к новому статусу для этих категорий становятся актуальными вопросы адаптации и формирования нового образа жизни. Одновременно у общественных и государственных структур возникает задача помощи и поддержки — как в повседневной, так и в стратегической перспективе.

Второе соображение почерпнуто из анализа исследований: чем раньше человек начинает разрабатывать свою жизненную стратегию на пенсионный период, тем выше качество его жизни, весомее и заметнее его участие в системе разнообразных социальных отношений [Tora et al., 2009; Ketkaew et al., 2022; Principi et al., 2020]. Именно поэтому мы решили сфокусироваться на двух возрастных категориях: на тех, кому «уже пора» планировать, и тех, кому «еще не поздно».

Мы сформулировали несколько предположений:

— значительная доля наших информантов не строят (и не строили) планов на жизнь после выхода на пенсию и «живут сегодняшним днем»;

⁶ Например, «жизненная стратегия личности». Обзор подходов см.: [Синягин и др., 2010; Ляхова, 2010].

⁷ См., например, анализ стратегического поведения у Э. Гидденса [Giddens, 1984: 26—27].

⁸ Наш подход имеет ограничение: в число респондентов не могли попасть те, кто вышел на пенсию раньше установленного возраста — по здоровью, по выслуге лет, по условиям труда и профессиональной деятельности и т. д. Тем не менее в эту категорию попали 16% опрошенных. Вероятно, что их опыт планирования может заметно отличаться от нашей ЦГ. Тем не менее возрастной критерий отбора был выбран приоритетным с точки зрения целей исследования.

— у большинства представителей ЦГ есть опыт планирования в разных сферах жизни;

— реальные дела и действия складываются в «паттерны стратегирования», они ориентированы на реализацию образа желаемого будущего по наиболее важным сегментам: работа, здоровье, досуг и увлечения и др.;

— есть значимые различия в зависимости от опыта планирования и достижений, а также модальности размышлений об образе желаемого будущего.

Под эти задачи авторский коллектив спроектировал концепцию и стратегию сбора данных. Работу вел НИИ Урбанистики и глобального образования ГАОУ ВО МГПУ при участии экспертов Проекта мэра Москвы «Московское долголетие» и ANR-lab НИУ ВШЭ⁹.

Эксперты Проекта сформулировали стратегическую рамку, взяв за основу кейсы из практики. В контексте социальной значимости Проекта и с учетом общемирового тренда на увеличение продолжительности жизни были обозначены ключевые индикаторы для исследования. В частности, получить новые знания, полезные для разработки рекомендаций по развитию социальной активности старшего поколения, преодолению неопределенности и минимизации рисков пожилых людей.

Методология и источник данных

Сбор данных проходил в мае-июне 2023 г. Метод — уличный опрос с помощью формализованного интервью по анкете. Всего состоялись 1 124 интервью, но после контроля поля и чистки массива остались ответы 1025 человек. Целевая группа состояла из четырех «базовых категорий» исследования (см. рис. 1).

Опрос проводился в 12 административных округах Москвы, в том числе в Новой Москве¹⁰. В каждом из округов случайным образом были отобраны по пять районов — с вероятностью, пропорциональной численности жителей каждого из них. Для округов и районов были сформированы задания на число опрошенных и пропорцию мужчин и женщин.

Для каждого района определялись маршруты, проходившие через локации пяти типов: административная (МФЦ), транспортная (метро, автобусный парк, МЦК), торговая (торговый центр, рынок, магазин), финансовая (отделение банка), досуговая (парки, скверы, спортплощадка, кинотеатр)¹¹. Также имелась категория «Другое».

Интервьюерам было рекомендовано в одной локации опросить от трех до пяти человек, а затем идти по маршруту к локации другого типа. Также им был предложен алгоритм отбора потенциальных респондентов. Если интервью состоялось, то следующего собеседника надо выбирать по контрасту по одному или двум признакам: пол, одежда, направление движения (входит в помещение, выходит, ждет и т. д.), видимый возраст и др.

Тип выборки — многоступенчатая стратифицированная с организацией ступеней отбора по городским округам:

⁹ Методическое сопровождение и анализ данных проводились в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ).

¹⁰ При построении выборки Новомосковский и Троицкий округа были сведены в один.

¹¹ Такое решение помогало управлять поиском респондентов и обеспечивало вариативность их характеристик при отборе. Мы планируем методический анализ подхода, но не в рамках этой статьи.

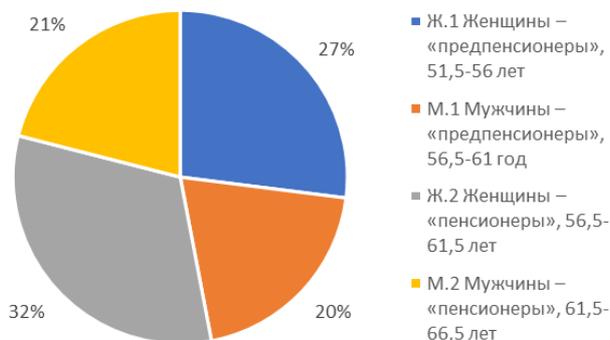
- 1 степень — отбор районов в городских округах;
- 2 степень — отбор точек опроса;
- 3 степень — отбор респондентов.

Анкета была заведена на сервис Survey-Studio, а интервьюеры фиксировали ответы с помощью своих мобильных устройств.

Построение планов на будущее

В итоговом массиве доли опрошенных в каждой из категорий оказались сопоставимыми по численности:

Рис. 1. Доли базовых категорий целевой группы ($n = 1025$)¹²

У большинства пенсионеров уже оформлена пенсия по возрасту (Ж.2: 74%; М.2: 69%) или же по иным основаниям¹³ (Ж.2: 15%; М.2: 20%). В категории предпенсионеров ситуация обратная — у большинства пенсии пока нет (Ж.1: 86%; М.1: 73%).

Данные показывают, что больше половины респондентов строят планы на будущее (56%)¹⁴. Отличий по категориям опрошенных нет, исключение представляют только мужчины-пенсионеры (М.2): меньше половины из их числа строят планы (41%).

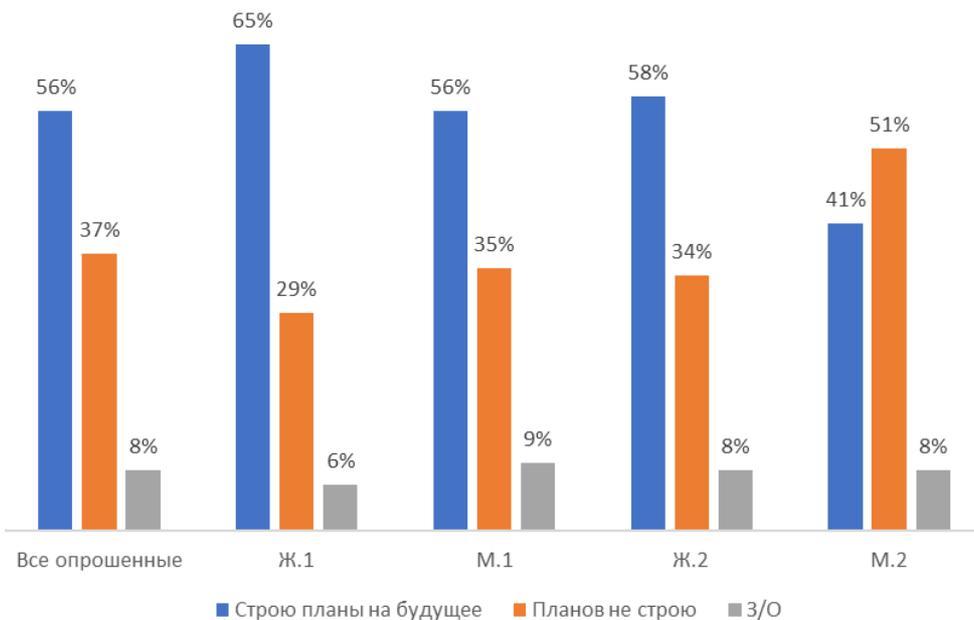
Горизонт планирования, как правило, охватывает период от года до трех (27% в целом по выборке). Полугодовой интервал и больше четырех лет набирают по 14% и 13% опрошенных соответственно. Распределение по категориям опрошенных имеет незначительные различия, кроме мужчин-пенсионеров (М.2): среди них 59% еще раз подтвердили, что не строят планов на будущее (при 44% в целом по выборке).

¹² В ситуации опроса использовался несколько иной возрастной интервал. Предпенсионеры: женщины 51—56 лет, мужчины 56—61 год; ранние пенсионеры: женщины 57—61 год, мужчины 62—67 лет. Такое решение связано с задачей обеспечить приемлемую достижимость респондентов — дополнительные уточнения увеличивают вероятность отказа.

¹³ Вопрос о наличии или отсутствии пенсии включал в себя разные варианты ее назначения: по возрасту, по здоровью, по выслуге лет, по специфике профессии и др.

¹⁴ Вопрос: «Если говорить о сегодняшнем дне, Вы строите планы на будущее — хотя бы в общих чертах, или не строите? (один ответ)».

Рис. 2. Планы на будущее

Любопытно, что по данным ВЦИОМ планируют свою жизнь 56% россиян, тогда как не строят планы — 40%. Горизонт планирования для трети россиян составляет несколько месяцев (36%), на несколько лет вперед — для каждого пятого (20%). Данные показывают связь практики планирования с возрастом. В группе до 24 лет строят планы на будущее 73%, тогда как среди 60-летних таковых только 36%; в интересующей нас группе 45—59 лет — 52%¹⁵.

В нашем исследовании задавались два чуть более конкретных вопроса о том, когда люди стали обдумывать свою жизнь после достижения пенсионного возраста¹⁶. Больше трети опрошенных (37%) не задумывались и не строили планы прежде¹⁷. Из таблицы 1 видно, что планы и размышления об этом периоде жизни начали появляться у каждого пятого еще в возрасте до 40 лет (19%), из них 3% утверждают, что эти размышления у них появились еще до достижения 20-летнего возраста. Тем не менее большинство респондентов стали строить планы после 50 лет (29% от всех опрошенных) либо в преддверии 50-летия (16%).

¹⁵ Всероссийский опрос «ВЦИОМ—Спутник», 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Проведен 16 октября 2023 г. Телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, действующих на территории РФ. Подробнее см.: Горизонт планирования: мониторинг // ВЦИОМ. 2013. 13 ноября. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gorizont-planirovaniya-monitoring> (дата доступа: 10.05.2024).

¹⁶ Вопросы: «Вы прежде задумывались или не задумывались о своей жизни после достижения пенсионного возраста?» и «Попробуйте вспомнить, в какой момент Вы стали обдумывать и планировать свои дела и жизнь после достижения пенсионного возраста?».

¹⁷ Сумма ответов «Не задумывался(ась)» и «Затрудняюсь ответить».

Таблица 1. **В каком возрасте стали задумываться о жизни после достижения пенсионного возраста (в %)**

	Все респонденты	Ж.1	М.1	Ж.2	М.2
До 20 лет	3	5	3	3	2
От 20 до 30 лет	5	5	5	6	3
От 31 до 40 лет	11	11	14	8	10
От 41 до 50 лет	16	21	12	17	13
После 50 лет	29	19	25	36	33
Не задумывался(ась) / никогда не планировала(а)	28	30	34	20	30
Затруднились с ответом	9	8	7	10	9

Сделаем ряд обобщений. Во-первых, заметная доля респондентов не планируют и не планировали свою жизнь в пенсионном возрасте, а также не имеют привычки строить планы на будущее. Их доля — от трети до половины всех опрошенных. Наличие навыка планирования декларирует примерно половина представителей нашей ЦГ.

Во-вторых, сравнение ответов по четырем базовым категориям опрошенных показывает, что мужчины меньше склонны планировать будущее, в этом особо выделяются мужчины-пенсионеры (М.2). Это означает, что у каждой категории свои подходы к стратегированию и свои привычки при построении планов.

Чего же хотят от жизни на пенсии участники нашего опроса?

Образ желаемого будущего

В думах о будущем доминируют четыре темы (см. табл. 2): общение с семьей и родственниками (53%), путешествия (43%), работа на даче или в саду (38%), а также забота о здоровье (36%). Наименее привлекательны для москвичей старшего возраста общественная деятельность (7%), переезд (7%), учеба и получение новых знаний (12%), работа и развитие в своей профессии (15%).

Таблица 2. **Желаемые виды деятельности на пенсии (%)**

«Если представить разные возможности, каким делом вы бы хотели заниматься <сейчас> после достижения пенсионного возраста? Какая жизнь будет доставлять вам удовольствие?» Любое число ответов	Все	Ж.1	М.1	Ж.2	М.2
Общение с семьей, родственниками	53	61	51	58	40
Путешествия	43	53	43	41	31
Дача, сад	38	39	30	45	33
Здоровье	36	37	30	43	32
Общение с людьми	33	41	28	38	21
Увлечение, хобби	31	34	34	34	20
Жить спокойно, ничем не заниматься	30	29	31	28	34
Дом, ремонт, строительство	27	22	36	22	33
Саморазвитие	25	31	26	27	15

«Если представить разные возможности, каким делом вы бы хотели заниматься <сейчас> после достижения пенсионного возраста? Какая жизнь будет доставлять вам удовольствие?» Любое число ответов	Все	Ж.1	М.1	Ж.2	М.2
Спорт, физкультура	25	18	29	23	29
Творчество	24	28	19	28	15
Работа, заработок	20	24	26	15	18
Профессия	15	18	20	13	11
Учеба, новые знания	12	10	16	15	7
Переезд	7	10	8	5	6
Общественная деятельность	7	6	6	8	6

Примечание. В таблице выделены те позиции, которые свидетельствуют о наиболее важных отличиях по каждой из ЦГ.

Женщины значимо чаще выбирают такие занятия, как общение с семьей и родственниками, с другими людьми, а также путешествия, творчество, саморазвитие, здоровье. Видов активности, интересных мужчинам, немного. Это прежде всего строительство и ремонт, а также спорт и физкультура. Женщинам такие виды деятельности видятся менее привлекательными.

Интересно, что работа и заработок в качестве элемента желаемого будущего теряют свою привлекательность с возрастом, а вот желание «жить спокойно и ничем не заниматься» в большей степени свойственно наиболее возрастным информантам — мужчинам-пенсионерам (34%).

Какие выводы можно сделать из этих данных? Во-первых, доминанта в суждениях — обустройство своего локального жизненного пространства. Причем это касается не только физического (дом, дача, сад), но также и пространства общения со значимыми людьми, в первую очередь с родственниками. Одновременно виден запрос на самореализацию — путешествия, творчество, занятия любимыми делами, хобби.

Во-вторых, достаточно большое число вариантов привлекают примерно равные доли опрошенных — от четверти до трети. Похоже, что структура представлений о желаемом будущем распадается на ряд «паттернов», в которых есть более-менее общее ядро, но также и различающиеся «вторые доминанты».

В-третьих, женщины активнее выбирают все варианты, связанные с общением, дачей и садом, творчеством, здоровьем. У мужчин другие приоритеты, а также, как ни удивительно, вариант «жить спокойно, ничем не заниматься». Такие различия также позволяют предположить, что «пенсионные паттерны» имеют одновременно и возрастную, и гендерную специфику.

Опыт планирования и достижения целей

Напомним, что в текущем моменте строят планы на будущее 56% опрошенных. Однако опыт построения планов на будущее есть у подавляющей части респондентов (73%)¹⁸. Можно предположить, что опыт планирования в прошлом пред-

¹⁸ Вопрос: «Припомните, когда-то в прошлом у вас был опыт планирования (образование, карьера, дом, доходы, что-то еще), или же такого опыта не было, вы не припомните?» (один ответ).

определяет наличие текущих планов о жизни на пенсии, однако корреляционный анализ показывает слабую связь между этими двумя параметрами¹⁹.

На основе двух переменных мы выделили четыре типа респондентов по их стратегиям планирования (см. табл. 3). Получилось, что предположение о связи опыта планирования и актуальной практикой планировать будущее верно для 46% опрошенных.

Таблица 3. Типология респондентов по стратегиям планирования: наличие опыта планирования (+/-) vs. наличие планов на период пенсионного возраста (+/-)* (% по столбцу)

Стратегии планирования, типы	Все	Ж.1	М.1	Ж.2	М.2
«Планирующие» (+ +)	46	54	46	50	33
«Планировавшие» (+ -)	27	24	25	25	34
«Начавшие планировать» (- +)	9	11	10	8	8
«Не планирующие» (- -)	18	11	19	17	25

* При построении типологии мы объединяли затруднившихся с ответом с теми, кто выбирал ответы «не планирую» или «не было опыта планирования» (в соответствующих вопросах).

Примечание. В таблице выделены те позиции, которые свидетельствуют о наиболее важных отличиях по каждой из ЦГ.

Чтобы определить значимость факторов, влияющих на предпочтение той или иной стратегии, мы провели регрессионный анализ. В нашей модели зависимая переменная (стратегии планирования) имеет четыре состояния, поэтому нами была построена логит-модель множественного выбора²⁰. Стратегия отказа от планирования («не планирующие») установлена базисной, по отношению к которой определяются отношения шансов для других категорий ($\exp(\beta_j) - 1$).

Результаты мультиномиального логистического регрессионного анализа представлены в таблице 4. По ним можно оценить влияние ряда факторов на предпочтение той или иной стратегии (в таблице выделены ячейки, показывающие значимую связь с той или иной стратегией планирования).

Таблица 4. Социально-демографические факторы, влияющие на выбор стратегии планирования

	«Планирующие»		«Планировавшие»		«Начавшие планировать»	
	Exp (B)	Значимость	Exp (B)	Значимость	Exp (B)	Значимость
Константа		0,000		0,785		0,002
Образование	1,409	0,000	1,147	0,120	1,098	0,421
Женщины	2,018	0,000	1,255	0,247	1,671	0,049
Наличие детей	2,065	0,030	0,990	0,975	0,903	0,801

¹⁹ Коэффициент Пирсона равен 0,174. Связь становится сильнее, если долю затруднившихся ответить объединить с теми, кто заявил об отсутствии планов на будущее / такого опыта в прошлом: коэффициент Пирсона равен 0,253 при уровне значимости 0,01.

²⁰ Чтобы определить характер влияния факторов при зависимой номинальной переменной с двумя состояниями, строится модель двоичного выбора, как правило, «логит» или «пробит». Значимых различий по качеству моделирования между «логит» и «пробит» нет, и обычно выбор делается в пользу «логит»-модели: ее результаты имеют более понятную интерпретацию.

	«Планирующие»		«Планировавшие»		«Начавшие планировать»	
	Exp (B)	Значимость	Exp (B)	Значимость	Exp (B)	Значимость
В браке, в отношениях	1,342	0,137	0,739	0,137	0,956	0,866
Материальное положение*	1,530	0,000	1,063	0,576	1,262	0,108
Наличие работы	1,701	0,006	0,385	0,842	1,389	0,222

* Использовался вопрос: «Какое из суждений наиболее точно описывает материальное положение вашей семьи?» со стандартными альтернативами: «иногда нам не хватает денег даже на продукты питания» и т. д.

Примечание. В таблице выделены те позиции, которые свидетельствуют о существовании значимых отличий.

Общий вывод таков: наиболее сильный контраст наблюдается между «планирующими» и всеми остальными группами. Чаще всего это женщины, имеющие детей. Дополнительные факторы: чем выше образовательный уровень, чем лучше материальное положение и есть оплачиваемая занятость (основная или временная работа), тем с большей вероятностью можно встретить устойчивые практики планирования²¹. Остальные два типа респондентов («начавшие планировать» и «планировавшие») не сильно отличаются от тех, кто отказывается планировать (тип «не планирующие»).

Включение возраста в модель регрессии оказалось проблематичным, ухудшающим результаты анализа. Возможная причина этого — специфика ЦГ: в выборке есть две категории, сходные по биологическому возрасту, но различающиеся по гендерному признаку и по отношению к возрасту выхода на пенсию (Ж.2 — ранние пенсионеры, М.1 — предпенсионеры). Можно предположить, что опыт и практика планировать будущее связаны не только с гендерной и пенсионной спецификой, но также и с тем опытом социализации, который был актуален для рассматриваемых нами категорий в тот или иной период. Оставим это как гипотезу — данные не позволяют проанализировать данный сюжет глубже.

Планы в прошлом и достижение планов

В продолжение этого сюжета респондентам задавали еще три вопроса:

— в каких сферах жизни информанты строили планы в прошлом — для тех, у кого был такой опыт: «Чего касались ваши размышления и планы?»;

— в каких сферах произошли изменения: «Какие ваши планы и намерения реализовались?»²²;

— в каких сферах, по мнению опрошенных, полезно планировать: «Что вы думаете о пользе планирования? В каких делах и сферах жизни вы считаете: планировать — это полезно?» (карточка, любое число ответов).

Из таблицы 5 видно, что существует семь доминирующих тем, относительно которых есть опыт планирования. Их же считают «полезными для планирования».

²¹ Из таблицы 4 видно: каждая новая ступень образования на 41% (ячейка 1,409) повышает шансы того, что человек придерживается стратегии постоянного планирования — по сравнению с отказом от планирования. Так же и для параметров «материальное положение» (каждая следующая позиция на 53% повышает вероятность выбора этой стратегии, ячейка 1,530) и наличие работы (на 70%, ячейка 1,701).

²² Оба этих вопроса полуоткрытые: у интервьюера был набор вариантов ответов плюс возможность дописать ответ в позицию «другое». Респонденту список не показывался.

Лидируют по опыту планирования три сферы: «семья и рождение детей», «профессия и карьера», а также «работа».

Таблица 5. Планы в прошлом, их реализация и польза планирования (все опрошенные, %)

	В каких сферах строили планы	В каких сферах планы реализовались	Разница (Δ): планы / реализация	В каких сферах полезно планировать
Семья, рождение детей	58	58	0	61
Профессия, карьера	56	44	12	66
Работа	53	46	7	57
Доходы и расходы, бюджет семьи	49	29	20	67
Дом, жилье	48	39	9	52
Учеба, получение знаний, образование	44	36	8	58
Накопления	41	22	19	56
Путешествия	30	19	11	36
Переезд	24	16	8	36
Дача, сад	24	22	2	27
Здоровье	23	15	8	36
Саморазвитие	18	14	4	29
Увлечение, хобби	17	14	3	21
Спорт	13	7	6	18
Творчество	12	10	2	17
Общественная деятельность	7	5	2	15
З/О	3	2	1	5
Другое	1	1	—	3
Ни в одной	3	2	1	1

Примечание. В таблице выделены те позиции, которые свидетельствуют о наиболее важных отличиях по каждому из параметров.

Однако по такому параметру, как нереализованные планы, лидируют три сферы — Доходы и расходы, бюджет семьи, Профессия, карьера и Накопления. Немногим более половины от запланировавших смогли реализовать свои планы по бюджету (доходам и расходам) семьи ($\Delta = 20\%$), а также по накоплениям ($\Delta = 19\%$). Около четверти от запланировавших не смогли достигнуть планов в отношении Профессии и карьеры ($\Delta = 12\%$). Получается, что сферы, связанные с заработком и накоплением финансов, а также с профессиональным и карьерным ростом, требующие значительных интеллектуальных и самоорганизационных усилий по постоянному повышению компетенций, — с другой, оказываются лидерами в зоне риска. Доля тех, у кого планы не реализовались или же реализовались не так,

как задумывалось, оказывается существенной («Δ», дельта) — почти от половины до четверти опрошенных.

Если рассмотреть данные в разрезе разных категорий респондентов (см. табл. 6), можно заметить несколько моментов:

— во всех категориях ЦГ одними из самых проблемных оказываются сферы бюджета (доходов) семьи и накопления. Однако когорты москвичей, не достигших пенсионного возраста (Ж.1, М.1), ощущают «нереализованность» в этих сферах более остро: немногим менее половины говорят, что их планы реализовались не так, как задумывались ($\Delta = 26\% - 24\%$). А вот среди тех, кто достиг пенсионного возраста, таких респондентов в среднем меньше, около трети ($\Delta = 18\% - 12\%$);

— в отношении профессии и карьеры женщины чаще, чем мужчины ощущают, что их планы не были достигнуты ($\Delta = 14\% - 15\%$ против $8\% - 10\%$ у мужчин);

— чем моложе категория участников исследования, тем чаще планы воспринимаются как нереализованные и в части жилья, путешествий, переезда и здоровья.

Таблица 6. В каких сферах строили планы на будущее («планы», %) и разница между теми, кто строил планы в той или иной сфере, и теми, кто сказал о реализации этих планов («Δ», п. п.)

Сферы построения планов	Все	Ж.1		М.1		Ж.2		М.2	
	%	планы	Δ	планы	Δ	планы	Δ	планы	Δ
Семья, рождение детей	58	64	3	58	4	60	0	48	-6
Профессия, карьера	56	59	14	59	10	56	15	50	8
Работа	53	55	6	57	12	48	5	53	8
Доходы и расходы, бюджет семьи	49	55	25	54	24	46	18	42	14
Дом, жилье	48	51	12	55	14	46	7	43	6
Учеба, получение знаний, образование	44	53	11	45	7	42	6	33	7
Накопления	41	43	26	47	25	41	12	35	16
Путешествия	30	35	13	35	18	29	8	19	4
Переезд	24	25	9	30	12	21	6	23	7
Дача, сад	24	25	4	21	3	28	-1	21	4
Здоровье	23	27	12	23	10	24	5	16	4
Саморазвитие	18	21	8	22	7	17	0	13	3
Увлечение, хобби	17	17	5	26	9	15	-2	11	3
Спорт	13	10	6	19	10	11	5	16	7
Творчество	12	14	3	16	6	10	-2	7	1
Общественная деятельность	7	7	3	5	1	7	0	9	3
Затруднились с ответом	3	2		2		4		4	
Другое	1	0		1		1		3	
Ни в одной	3	3		2		2		4	

Примечание. В таблице выделены те позиции, которые свидетельствуют о наиболее важных отличиях по каждой из ЦГ.

Обсуждение результатов

Анализ позволяет зафиксировать несколько выводов относительно выбранных целевых групп: ранних пенсионеров и предпенсионеров — жителей Москвы.

1. Доля тех, кто строит планы на будущее, более-менее сопоставима с долей тех, кто этого не делает: 56 % против 44 %. Второй подход чаще всего демонстрирует самая «возрастная» категория — мужчины-пенсионеры в возрасте 61—67 лет. Да и в целом мужчины менее склонны планировать свое будущее в сравнении с женщинами. Чаще всего опрошенные начинали задумываться о планах на период после достижения пенсионного возраста только после 50 лет (29 %) или же в преддверии 50-летия (16 %). До 40 лет подобные планы и размышления возникли не более чем у пятой части опрошенных (19 %).

2. В структуре представлений о желаемом будущем выделяются 10—12 направлений активности. Каждое из них выбирают от 20 % до 40 % респондентов. Это можно проинтерпретировать так, что образы желаемого будущего распадаются на ряд «паттернов», где есть какая-то доминанта (работа, досуг и увлечение, семья и др.) плюс набор сопутствующих характеристик, «вторые доминанты». Поиск и описание «паттернов» жизни после наступления пенсионного возраста — наша следующая задача в работе с имеющимся массивом данных.

3. Данные позволяют утверждать, что готовность строить планы на будущее и на время после достижения пенсионного возраста в значительной мере связана с навыками и опытом планирования своей жизни. Две трети опрошенных (73 %) имели такой опыт, они строили планы в той или иной сфере и с определенным успехом достигали желаемой цели. Почти половина всех респондентов (46 %) оказались вполне последовательны в этом плане: они и сейчас планируют свое будущее, и такой подход они уже реализовывали прежде. Вместе с тем не менее половины представителей целевой группы демонстрируют альтернативные подходы к стратегированию. Кто-то увидел необходимость начать это делать сейчас, кто-то не склонен следовать такой привычке, а кто-то в принципе никогда не загадывал и не загадывает «на будущее». Это вполне сопоставимые по численности типологические группы.

4. В среднем чем более «молодая» группа, тем реже опрошенные говорят об исполнении намеченных планов, которые они когда-либо прежде строили. Наиболее проблемными оказываются Доходы и расходы, бюджет семьи, Накопления, и Профессия и карьера. Предпенсионный этап, еще как правило сопровождающийся активной профессиональной и трудовой активностью, по всей видимости, дает потенциальную возможность людям ставить в среднем чуть больше планов и быть более требовательными в их достижении (нежели в период пенсионного возраста). Субъективная оценка своих планов как «не довыполненных» несет в себе не только (возможно, не столько) негативную коннотацию, но и внутренний стимул и намерение продолжать двигаться в этом направлении: к примеру, продолжать делать активно накопления, или планировать (откладывать деньги) на путешествия.

При анализе опыта и паттернов стратегирования стоит учитывать эту особенность: за возрастными особенностями стоят комплексные поколенческие различия в отношении к управлению своей жизнью и карьерой, построению семьи,

здоровью и множеству других аспектов. За этими поколенческими различиями лежит фундаментальное изменение в сфере повседневных практик и практик стратегирования — отказ от «стандартной биографии» в пользу «рефлексивной биографии» [Giddens, 1991]. Этот процесс характеризуется отказом людей следовать логике предзаданных социокультурных детерминант своей жизненной траектории, стремлением уклоняться от реактивного поведения по отношению к жизненным ситуациям, интересом к построению «нестандартной» биографии, которая с точки зрения принятых стандартов может даже характеризоваться «еретической инновационностью», но за которой угадывается появление «новой нормы» [Согомонов, 2005].

Тем не менее данные позволяют говорить о гендерно предопределенных различиях. В частности, женщины обеих категорий чаще имеют опыт планирования в том, что касается семьи и детей, здоровья, дачи и сада, отчасти — в сфере образования и получения знаний. У мужчин в фокусе внимания чаще оказываются вопросы работы, переезда, занятий спортом и отчасти — тема дома и жилья.

Материалы исследования дают возможность предположить, что стратегии «жизни на пенсии» распадаются на ряд более-менее устойчивых моделей. На их формирование влияет целый ряд факторов: устойчивость материального положения, опыт планирования, а также образы желаемого и достижимого будущего. Поиск и описание таких «паттернов стратегирования» — наш следующий шаг в работе с полученными данными.

Список литературы (References)

1. Алешникова В. И., Бурцева Т. А., Нуриддинов З. А. Социальный эффект реализации стратегии активного долголетия // Управление. 2020. Т. 8. № 4. С. 86—93. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-86-93>.
Aleshnikova V. I., Burtseva T. A., Nuriddinov Z. A. (2020) Social Effect of Implementing Active Longevity Strategies. *Upravlenie / Management (Russia)*. Vol. 8. No. 4. P. 86—93. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-86-93>. (In Russ.)
2. Большакова Г. А. Сравнительный анализ копинг-стратегий у лиц пожилого возраста с разными стратегиями старения // Student Research: сборник статей VIII Международного научно-практического конкурса / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2019. С. 147—150.
Bolshakova G. A. (2019) Comparative Analysis of Coping Strategies in the Elderly with Different Aging Strategies. In: Gulayev G. Yu. (ed.) *Student Research*. Penza: Science and Education Press. P. 147—150. (In Russ.)
3. Бондаренко И. Н. Социокультурная адаптация пожилого населения Российской Федерации в условиях переходной экономики: автореф. дисс. ... канд. педагог. наук. М.: Московский государственный университет культуры и искусства, 2001.
Bondarenko I. N. (2001) Socio-Cultural Adaptation of the Elderly Population of the Russian Federation in a Transitional Economy. Extended Abstract of the PhD Dissertation in Pedagogy. Moscow: Moscow State Art and Cultural University. (In Russ.)

4. Вознюк Ю. А., Сапожникова Е. Е. Смысло-жизненные ориентации и удовлетворенность жизнью пенсионеров с разным рабочим статусом // *International Journal of Medicine and Psychology*. 2022. Т. 5. № 4. С. 81—87.
Voznyuk Y. U., Sapozhnikova E. E. (2022) Meaningful Life Orientations and Life Satisfaction of Pensioners with Different Working Status. *International Journal of Medicine and Psychology*. V. 5. No. 4. P. 81—87. (In Russ.)
5. Григорьева И. А. Старение и пожилые в современной российской социологии // *Старшее поколение современной России / под ред. З. Х. Саралиевой*. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского, 2021. С. 20—23.
Grigoryeva I. A. (2021) Ageing and Elderly People in Modern Russian Sociology. In: Saraliev Z. Kh. (ed.) *The Older Generation of Modern Russia*. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University. P. 20—23. (In Russ.)
6. Ермолаева М. В., Подольский А. И. Страх старости — страх жизни // *Образование личности*. 2016. № 4. С. 34—40.
Ermolaeva M. V., Podolskiy A. I. (2016) Fear of Old Age — Fear of Life. *Personality Formation*. No. 4. P. 34—40. (In Russ.)
7. Жучкова С. М. Социально-психологические детерминанты удовлетворенности жизнью в пожилом и старческом возрасте: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М.: Московский государственный областной университет, 2018.
Zhuchkova S. M. (2018) Socio-Psychological Determinants of Life Satisfaction in Elderly and Old Age. Extended Abstract of the PhD Dissertation in Psychology. Moscow: Moscow State Regional University. (In Russ.)
8. Конарева И. Н., Сергиенко М. И. Особенности одиночества и удовлетворенности жизнью в позднем возрасте // *Ученые записки Крымского ФУ им. В. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*. 2015. Т. 1. № 4. С. 182—194.
Konareva I. N., Sergienko M. I. (2015) Peculiarities of Loneliness and Life Satisfaction in the Late Age. *Scientific Notes of Vernadsky Crimean Federal University*. Vol. 1. No. 4. P. 182—194. (In Russ.)
9. Кулешова Л. Н., Стрижицкая О. Ю. Активность личности как потенциал развития в период поздней зрелости // *Вестник СПбГУ. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2008. № 4. С. 111—118.
Kuleshova L. N., Strizhitskaya O. Yu. (2008) Personality Activity as a Potential of Development in Late Adulthood Period. *Vestnik of St. Petersburg State University*. No. 4. P. 111—118. (In Russ.)
10. Лежнина Л. В., Большакова Г. А. Пассивная стратегия старения: психологические особенности и возможности коррекции // *Научное мнение*. 2020. № 4. С. 67—72.
Lezhnina L. V., Bolshakova G. A. (2020) Passive Aging Strategy: Psychological Features and Correction Possibilities. *The Scientific Opinion*. No. 4. P. 67—72. (In Russ.)

11. Ляхова М. А. Психологические составляющие жизненной стратегии личности // Вестник КемГУ. 2010. № 3. С. 83—90.
Lyahova M. A. (2010) Psychological Components of the Personality Life Strategy. *Vestnik of Kemerovo State University*. No. 3. P. 83—90. (In Russ.)
12. Мануильская К. М., Рогозин Д. М., Солодовникова О. Б. Дорожная карта старения. М.: Дело РАНХиГС, 2022.
Manuil'skaya K. M., Rogozin D. M., Solodovnikova O. B. (2022) A Road Map of Aging. Moscow: Delo RANEPА. (In Russ.)
13. Павлова Н. С., Сергиенко Е. А. Качество жизни и временная перспектива на этапе позднего онтогенеза // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020а. Т. 26. № 2. С. 47—55. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-2-47-55>.
Pavlova N. S., Sergiyenko E. A. (2020a) Life Quality and Time Perspective at the Late Ontogenesis Stage. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. Vol. 25. No. 2. P. 47—55. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-2-47-55>. (In Russ.)
14. Павлова Н. С., Сергиенко Е. А. Субъективное качество жизни, психологическое благополучие, отношение к временной перспективе и возрасту у пенсионеров, ведущих разный образ жизни // Вестник СПбГУ. Психология. 2020б. Т. 10. № 4. С. 384—401. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.401>.
Pavlova N. S., Sergiyenko E. A. (2020b) Subjective Life Quality, Psychological Well-Being and Attitude to the Time Perspective as well as Age among Pensioners Leading Different Lifestyles. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*. Vol. 10. No. 4. P. 384—401. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.401>. (In Russ.)
15. Пацакула И. И., Хачикян Е. И., Зайчикова И. В. Социально-психологические особенности принятия старости // Прикладная юридическая психология. 2020. № 2. С. 94—100.
Patsakula I. I., Khachikyan E. I., Zaichikova I. V. (2020) Socio-Psychological Features of Accepting Old Age. *Applied Legal Psychology*. № 2. P. 94—100. (In Russ.)
16. Рогозин Д. М. Либерализация старения или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Старикам тут место: социальное осмысление старения / Под ред. Д. М. Рогозина, А. А. Ипатовой. М.: Институт социологии РАН, 2016. С. 8—41.
Rogozin D. M. (2016) Liberalization of Aging or Work, Knowledge and Health in Old Age. In: Rogozin D. M., Ipatova A. A. (eds.) *Old People Belong Here: Social Understanding of Aging*. Moscow: Sociological Institute, RAS. P. 8—41. (In Russ.)
17. Снягин Ю. В., Переверзина О. Ю., Яковлева Ю. А., Полякова А. В. Основные подходы к исследованию жизненных стратегий личности // Акмеология. 2010. № 1. С. 27—35.
Sinyagin Yu. V., Pereverzina O. Yu., Yakovleva Yu. A., Polyakova A. V. (2010) Basic Approaches to the Study of Life Strategies of Individual. *Acmeology*. No. 1. P. 27—35.
18. Согомонов А. Ю. Генеология успеха и неудач. М.: Солтэкс, 2005.
Sogomonov A. Yu. (2005) Genealogy of Success and Failures. Moscow: Solteks.

19. Старшее поколение современной России / под ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2021.
Saraliev Z. Kh. (ed.) (2021) *The Older Generation of Modern Russia*. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University. (In Russ.)
20. Сулова Т. Ф. Социальная активность личности как детерминанта позитивной адаптации и полноценной жизни в пенсионном возрасте // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 3. С. 63—70. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060307>.
Suslova T. F. (2017) Social Activity of the Personality as a Determinant of Positive Adaptation and Full-Fledged Life at Retirement Age. *Journal of Modern Foreign Psychology*. Vol. 6. No. 3. P. 63—70. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060307>. (In Russ.)
21. Сулова Т. Ф., Жучкова С. М. Исследование удовлетворенности жизнью и смысловых ориентаций в пожилом и старческом возрасте // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 3. С. 78—89.
Suslova T. F., Zhuchkova S. M. (2014) Research on Life Satisfaction and Life Orientations in Late Adulthood. *Social Psychology and Society*. Vol. 5. No. 3. P. 78—89. (In Russ.)
22. Тунгусова Е. В. Исследование жизненной стратегии и отношения к старости у сотрудников предпенсионного и пенсионного возрастов // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2021. № 3. С. 114—120.
Tungusova E. V. (2021) Research of Life Strategy and Attitude to Old Age in Employees of Pre-Retirement and Retirement Age. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research*. No. 3. P. 114—120. (In Russ.)
23. Юшкова С. А., Дорошенко М. В. Стратегии пенсионного поведения в условиях реформирования пенсионной системы // Власть. 2019. Т. 27. № 1. С. 41—46.
Yushkova S. A. Doroshenko M. V. (2019) Strategies for Retirement Behavior in the Context of Reforming the Pension System. *The Authority*. Vol. 27. No. 1. P. 41—46. (In Russ.)
24. Airey L., Lain D., Jandrić J., Loretto W. (2021) A Selfish Generation? 'Baby Boomers', Values, and the Provision of Childcare for Grandchildren. *The Sociological Review*. Vol. 69. No. 4. P. 812—829. <https://doi.org/10.1177/0038026120916104>.
25. Alwajud-Adewusi M.-B. (2021) Exploring Coping Strategies of Retired Elderly Persons in Ilorin Metropolis, Nigeria: Implication for Counselling. *Inkanyiso: Journal of African Thought*. Vol. 13. No. 1. P. 137—148. <https://doi.org/10.4102/ink.v13i1.22>.
26. Atalay K., Staneva A. (2022) Waiting to Get a Pension: The Impact of Pension Eligibility on Psychological Distress. *Health Economics*. Vol. 31. No. 6. P. 940—955. <https://doi.org/10.1002/hec.4488>.
27. Awang H., Mansor N., Peng T. N., Osman N. A. N. (2018) Understanding Ageing: Fear of Chronic Diseases Later in Life. *The Journal of International Medical Research*. Vol. 46. No. 1. P. 175—184. <https://doi.org/10.1177/0300060517710857>.

28. Baeriswyl M., Oris M. (2023) Social Participation and Life Satisfaction Among Older Adults: Diversity of Practices and Social Inequality in Switzerland. *Ageing and Society*. Vol. 43. No. 6. P. 1259—1283. <https://doi.org/10.1017/S0144686X21001057>.
29. Barsukov V. N. (2018) Barriers to Social Integration of the Older Generation in the Context of Intergenerational Communication Issues. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 11. No. 5. P. 214—230. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.5.59.14>.
30. Cahill K., Giandrea M., Quinn J. (2006) Retirement Patterns from Career Employment. *The Gerontologist*. Vol. 46. No. 4. P. 514—523. <https://doi.org/10.1093/geront/46.4.514>.
31. Calvo E., Sarkisian N., Tamborini C. (2013) Causal Effects of Retirement Timing on Subjective Physical and Emotional Health. *The Journal of Gerontology*. Vol. 68. No. 1. P. 73—84. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbs097>.
32. Coole D. (2012) Reconstructing the Elderly: A Critical Analysis of Pensions and Population Policies in an Era of Demographic Ageing. *Contemporary Political Theory*. Vol. 11. P. 41—67. <https://doi.org/10.1057/cpt.2011.12>.
33. Corman S. (2022) The Elderly Activities before and after Retirement. *MATEC Web of Conferences*. Vol. 373. Art. 00071. <https://doi.org/10.1051/mateconf/202237300071>.
34. De los Santos J., Labrague L., Milla N. (2020) Happiness and Retirement Readiness among Pre-Retiring Employees: A Cross-Sectional Study. *Ageing International*. Vol. 45. P. 85—98. <https://doi.org/10.1007/s12126-019-09351-z>.
35. Dingemans E., Henkens K. (2019) Working After Retirement and Life Satisfaction: Cross-National Comparative Research in Europe. *Research on Aging*. Vol. 41. No. 7. P. 648—669. <https://doi.org/10.1177/0164027519830610>.
36. Fasbender U., Wang M., Voltmer J.-B., Deller J. (2016) The Meaning of Work for Post-Retirement Employment Decisions. *Work, Aging and Retirement*. Vol. 2. No. 1. P. 12—23. <https://doi.org/10.1093/workar/wav015>.
37. Frimmel W. (2021) Later Retirement and the Labor Market Re-Integration of Elderly Unemployed Workers. *The Journal of the Economics of Ageing*. Vol. 19. Art. 100310. <https://doi.org/10.1016/j.jeoa.2021.100310>.
38. Giddens A. (1984) *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press.
39. Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
40. Henning G., Stenling A., Bielak A., Bjälkebring P., Gow A., Kivi M., Muniz-Terrera G., Johansson B., Lindwall M. (2021) Towards an Active and Happy Retirement? Changes in Leisure Activity and Depressive Symptoms during the Retirement Transition.

Aging & Mental Health. Vol. 25. No. 4. P. 621—631. <https://doi.org/10.1080/13607863.2019.1709156>.

41. Hinrichs K. (2021) Recent Pension Reforms in Europe: More Challenges, New Directions. An Overview. *Social Policy and Administration*. Vol. 55. No. 3. P. 409—422. <https://doi.org/10.1111/spol.12712>.
42. Jamadar C., Chawla S. (2020) Effect of Loneliness on Death Anxiety among Elderly People. *The International Journal of Indian Psychology*. Vol. 8. No. 2. P. 665—672. <https://doi.org/10.25215/0802.077>.
43. Kang S. K. (2010) The Effects of Social Activities and Fear of Death on Depression in the Elderly. *Health and Social Welfare Review*. Vol. 30. No. 2. P. 85—109. <https://doi.org/10.15709/hswr.2010.30.2.85>.
44. Ketkaew C., Van Wouwe M., Jorissen F., Cassimon D., Vichitthamaros P., Wongsaichia S. (2022) Towards Sustainable Retirement Planning of Wageworkers in Thailand: A Qualitative Approach in Behavioral Segmentation and Financial Pain Point Identification. *Risks*. Vol. 10. No. 1. P. Art. 8. <https://doi.org/10.3390/risks10010008>.
45. Kettunen E., Kari T., Frank L. (2022) Digital Coaching Motivating Young Elderly People towards Physical Activity. *Sustainability*. Vol. 14. No. 13. Art. 7718. <https://doi.org/10.3390/su14137718>.
46. Kuitto K., Helmdag J. (2021) Extending Working Lives: How Policies Shape Retirement and Labour Market Participation of Older Workers. *Social Policy and Administration*. Vol. 55. No. 3. P. 423—439. <https://doi.org/10.1111/spol.12717>.
47. Lazarus R., Folkman S. (1984) *Stress, Appraisal and Coping*. New York, NY: Springer.
48. Lestari S. K., de Luna X., Eriksson M., Malmberg G., Ng N. (2021) A Longitudinal Study on Social Support, Social Participation, and Older Europeans' Quality of life. *SSM — Population Health*. Vol. 13. Art. 100747. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2021.100747>.
49. Liu C., Bai X., Knapp M. (2022) Multidimensional Retirement Planning Behaviors, Retirement Confidence, and Post-Retirement Health and Well-Being Among Chinese Older Adults in Hong Kong. *Applied Research in Quality of Life*. Vol. 17. P. 833—849. <https://doi.org/10.1007/s11482-020-09901-7>.
50. Liu S., He H., Gao H. (2024) The Effect of Social Pension on Health-Related Quality of Life of the Rural Older People: A Panel Study from China. *BMC Geriatrics*. Vol. 24. Art. 291. <https://doi.org/10.1186/s12877-024-04880-y>.
51. Massingham P., Chandrakumara A. (2019) Generational Differences in Work Values and Attitudes: Reintroducing Retirees to the Workforce. *Journal of Population Ageing*. Vol. 12. No. 4. P. 491—513. <https://doi.org/10.1007/s12062-019-09250-w>.

52. Odone A., Gianfredi V., Vigezzi G. P., Amerio A., Ardito C., d'Errico A., Stuckler D., Costa G. (2021) Does Retirement Trigger Depressive Symptoms? A Systematic Review and Meta-Analysis. *Epidemiology and Psychiatric Sciences*. Vol. 30. Art. e77. <https://doi.org/10.1017/S2045796021000627>.
53. Ofori E. (2021) Financial Planning for Retirement of Self-Employed Workers in the Ghanaian Economy. *International Journal of Social Economics*. Vol. 48. No. 6. P. 811—825. <https://doi.org/10.1108/IJSE-04-2020-0189>.
54. Principi A., Smeaton D., Cahill K., Santini S., Barnes H., Socci M. (2020) What Happens to Retirement Plans, and Does This Affect Retirement Satisfaction? *The International Journal of Aging and Human Development*. Vol. 90. No. 2. P. 152—175. <https://doi.org/10.1177/0091415018796627>.
55. Riekhoff A.-J. (2020) Pension Reforms, the Generational Welfare Contract and Preferences for Pro-Old Welfare Policies in Europe. *Social Policy and Administration*. Vol. 55. No. 3. P. 501—518. <https://doi.org/10.1111/spol.12678>.
56. Roesch S., Weiner B., Vaughn A. (2002) Cognitive Approaches to Stress and Coping. *Current Opinion in Psychiatry*. Vol. 15. P. 627—632. <https://doi.org/10.1097/00001504-200211000-00012>.
57. Skinner E. A., Edge K., Altman J., Sherwood H. (2003) Searching for the Structure of Coping: A Review and Critique of Category Systems for Classifying Ways of Coping. *Psychological Bulletin*. Vol. 129. No. 2. P. 216—269. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.129.2.216>.
58. Ross C. E., Drentea P. (1998) Consequences of Retirement Activities for Distress and the Sense of Personal Control. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 39. No. 4. P. 317—334.
59. Seeman T. E., Lusignolo T. M., Albert M., Berkman L. (2001) Social Relationships, Social Support, and Patterns of Cognitive Aging in Healthy, High-Functioning Older Adults: MacArthur Studies of Successful Aging. *Health Psychology*. Vol. 20. No. 4. P. 243—255. <https://doi.org/10.1037//0278-6133.20.4.243>.
60. Sharpley C. F., Layton R. (1998) Effects of Age of Retirement, Reason for Retirement, and Pre-Retirement Training on Psychological and Physical Health during Retirement. *Australian Psychologist*. Vol. 33. No. 2. P. 119—124. <https://doi.org/10.1080/00050069808257392>.
61. Stevens M., Cruwys T., Haslam C., Wang V. (2021) Social Group Memberships, Physical Activity, and Physical Health Following Retirement: A Six-Year Follow-Up from the English Longitudinal Study of Ageing. *British Journal of Health Psychology*. Vol. 26. No. 2. P. 505—524. <https://doi.org/10.1111/bjhp.12506>.
62. Topa G., Moriano J. A., Depolo M., Alcover C.-M., Morales J. F. (2009) Antecedents and Consequences of Retirement Planning and Decision-Making: A Meta-Analysis and Model. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 75. No. 1. P. 38—55. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2009.03.002>.

63. Townsend P. (1981) The Structured Dependency of the Elderly: A Creation of Social Policy in the Twentieth Century. *Ageing and Society*. Vol. 1. No. 1. P. 5—28. <https://doi.org/10.1017/S0144686X81000020>.
64. Williamson O. E. (1991) Strategizing, Economizing, and Economic Organization. *Strategic Management Journal*. Vol. 12. No. S2. P. 75—94. <https://doi.org/10.1002/smj.4250121007>.
65. Zhang H., Li Sh., Dai W., Wang H. (2023) The Effect of Reverse Intergenerational Support on the Happiness of Chinese Older Adults: A Moderating Effect Analysis Based on Role Conflict. *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. Art. 1080772. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1080772>.